

Владимир Марамзин: Великая сила наивности | Vladimir Maramzine : La grande force de la naïveté

Автор: Надежда Сикорская, [Париж](#) , 20.02.2019.

Владимир Марамзин в парижском кафе, 8 февраля 2019 г. (© Nashagazeta)

Несколько недель назад в лозаннском издательстве Noir sur Blanc вышла книга [«Трамвай длиной в жизнь»](#), с автором которой мы вас с удовольствием знакомим.

|

Il y a quelques semaines Les Editions Noir sur Blanc à Lausanne ont publié un livre intitulé [« Un tramway long comme la vie »](#). C'est avec plaisir que nous vous présentons son auteur.

Vladimir Maramzine : La grande force de la naïveté

Владимир Рафаилович Марамзин родился в семье заводского мастера и учительницы географии. Закончил Ленинградский электротехнический институт, работал инженером, начальником отдела научно-технической информации на заводе «Светлана». Прозу начал писать в 1958 году, публиковаться в 1962-м.

С 1975 года в эмиграции во Франции. Его тексты публиковались в лучших зарубежных русскоязычных журналах во Франции и США, а после 1999 года и в России (журнал «Звезда»). Книги Владимира Марамзина переводились на немецкий, английский и голландский языки. На французском до сих пор появилась лишь одна: *Moi, avec une gifle dans la main* (Luneau Ascot Éditeurs, 1982). И вот теперь...

Будучи человеком, выросшим в Советском Союзе, я могу понять, почему Вы решили заменить Вашу фамилию Кацнельсон литературным псевдонимом. А как Вы его подбирали? Не опасались ли фонетических ассоциаций с маразмом и Карамзиным?

(усмехается) На эту тему Довлатов написал в «Невидимой книге»: «Марамзин – это Карамзин эпохи маразма». Псевдоним этот я не придумал, фамилия уже была в нашей семье. Вообще я родился Соколовым, по маме, а уже потом взял фамилию отца, которого почти не знал – он погиб, когда мне было семь. Надо сказать, особого антисемитизма я не испытывал – мама и тетя были очень уважаемыми учителями. Так что псевдоним я взял не из-за этого, а потому, что решил, что имя писателя должно быть созвучно языку, на котором он пишет. Почему Рабинович взял псевдоним Шолом-Алейхем? Потому что писал на идише. А я ни одного еврейского слова не знаю, а тогда и Библию не знал, только Евангелие. Я вырос с бабушкой, возле церкви или на полу церкви. В восемь месяцев меня крестили в Сампсониевском соборе в Ленинграде, том самом, где Екатерина тайно венчалась с графом Орловым. А вот моя жена очень хотела быть мадам Кацнельсон, но документы нам выдали на Марамзина.

Ваши детские рассказы для взрослых смахивают на сказки братьев Гримм – от них страшно: что о страхе вырасти, что об умершем в пробирке брате, уж не говоря о натуралистическом повествовании о мученической смерти кота Васьки от рук любимой бабушки. Вы разделяете мнение многих психиатров о том, что все взрослые проблемы имеют корни в детстве?

Журнал «Звезда» в свое время написал про «Кота Ваську»: «Абсолютный шедевр, если убрать две последние страницы» (усмехается). А что касается Вашего вопроса, то это значит, что я – счастливый человек. Детство у меня было прекрасное, хотя мы и помирали с голода. Наш городок Кашин находился в 170 км от фронта, но до нас немцы не дошли. То была настоящая жизнь в природе, с натуральным хозяйством, в мещанском городе – с тех пор я люблю мещан и дам в морду каждому, кто скажет о них дурное слово. До революции на население Кашина в 7000 человек приходилось 36 церквей и три монастыря. Когда я подрастал, больше половины уже было

разрушено. Но читать на старославянский лад умею до сих пор! Я рос с моими двумя двоюродными сестрами. Нас приучили считать еду чем-то святым – мы собирали ягоды, грибы, забираясь для этого за пятнадцать верст, то есть более чем за 15 километров. Все мы были кормильцами. И, конечно, очень повлияла бабушка, жена священника, поставленного перед ужасным выбором – расстричься или перейти в Живую церковь. И вот ирония судьбы: переехав сюда и зарабатывая чем придется, я дважды печатал книги Краснова-Левитина, Живой церкви видного участника. Очень милый был старик.

A watercolor illustration of a city street scene. In the foreground, a brown tram with large windows is moving towards the viewer. Behind it, there are multi-story buildings with various architectural details. To the right, a tall, black lamppost stands on the sidewalk. The overall style is soft and painterly, with visible brushstrokes and a muted color palette. The entire scene is framed by a dark red border.

Vladimir Maramzine

Un tramway long comme la vie

Traduit du russe par
Anne-Marie Tatsis-Botton

LES ÉDITIONS
NOIR SUR BLANC

Вы продолжаете традицию классической русской литературы, изобретшей и всячески оберегавшей «маленького человека». Это сознательно? В качестве примера возьмем чудесный рассказ о полотере, дни напролет размышляющем о музыке.

Нетипичный персонаж – полотора – я придумал специально, это правда, а все остальное – это же быт, жизнь. Советский критик как-то выразил мне претензию: «Он пишет жизнь не в формах жизни», а мне это очень понравилось.

Есть у нашей литературы еще две прекрасные черты: ее гуманизм и склонность сочетать смех и слезы. И обе они присутствуют в Вашем творчестве. Как и каждый хороший писатель, Вы пропускаете через себя окружающую действительность и подводите читателя к определенному выводу из собственных наблюдений. Отличный пример всего этого – Ваш чудесный и поучительный рассказ «Писатель Купер», о вымышленном советском сочинителе и вполне реальном Михаиле Зощенко. Это не выдуманная история?

Это чистая правда, рассказанная мне старыми писателями и поразившая меня!

В рассказе Зощенко вызволяет Купера, обвиненного в покушении на чекиста, из застенка ленинградского КГБ, воспользовавшись исключительно собственным «бесстрашием, простотой и огромным авторитетом». Успех операции лишний раз доказал, что писатель в России больше, чем писатель, а то, что через десять лет сам спаситель оказался в опале, никого из читателей не удивляет. Вы живете на Западе уже больше сорока лет. Здесь что-то сравнимое наблюдается? Есть ли такие фигуры, такие непререкаемые авторитеты?

Есть! Ведь кто меня вызволял из тюрьмы? Четыре Нобелевских лауреата: Генрих Бёлль, Рене Кассен, Андрей Сахаров и Иосиф Бродский, тогда еще, правда, премии не получивший. В газете Le Monde было опубликовано огромное письмо французских интеллектуалов в мою защиту. Знаете, я человек сентиментальный, и меня тогда потрясло, что среди подписавших его был Тино Росси! Кто бы мог подумать! Много занималась мною и мадам Мок, вдова известного французского политика Жюля Мока, с 1933 года добивавшегося приглашения на работу во Францию Альберта Эйнштейна. А мадам, специалистка по Серебряному веку, переведшая «Поэму без героя» Ахматовой, добивалась моего приезда.

В повести «Трамвай длиною в жизнь» есть удивительное описание праздника мести: ленинградцы собираются поглазеть, как вешают немцев. Но ключевой момент такой – мама отвлекшегося на это зрелище и запоздавшего домой героя-подростка брезгливо выбрасывает принесенный им батон. Мне кажется, это стоит пояснить: люди, пережившие блокаду, хлеб не выбрасывали.

Вы правы, французы могут этого не понять. Дело в том, что ей настолько противно, что ее сын участвовал в празднике мести, радовался чужой смерти, даже если это

фашисты, убившие ее собственного мужа, что она не может есть хлеб, при этом «присутствовавший».

Вы родились в страшном 1934 году, пережили войну, унесшую Вашего отца. Слова о «новообращенных из бывших надзирателей», о палачах, «со слезами простивших своих жертв» - что это? Непроходящая горечь?

Нет, это нынешняя горечь. Раньше человек, который ходил в церковь, был немного лучше того, который не ходил. А сейчас наоборот.

На Западе Вы оказались почти случайно, согласно Википедии - пострадав за Бродского, чье самиздатовское машинописное пятитомное собрание сочинений Вы подготовили в начале 1970-х с Михаилом Хейфецем и Ефимом Эткингом. Вас арестовали, Вы признали свою «вину», но вместо пяти лет условно уехали. Насколько я понимаю, это не совсем так?

Это вообще не так. Сначала, в 1974 году, меня призвали в качестве свидетеля по Делу № 15, описанном в «Хронике текущих событий» (первом в СССР неподцензурном правозащитном информационном бюллетене, распространявшемся через самиздат с 1968 по 1983 годы. – Прим. ред). Это было дело о самиздате. Никаких обвинений мне не предъявили, о Бродском даже речи не было, их тогда интересовал я. Собираением Бродского ни Эткинд, ни Хейфец не занимались. (Миша Хейфец написал статью о Бродском, назвав его политическим лидером поколения, за что и получил четыре года лагерей плюс три года ссылки.) Вообще, я оказался одним из немногих писателей, кого судили именно за то, что он писал. Ни у кого из нас ничего из Бродского не нашли. Кстати, он единственный в мире человек, которому выдали справку, что он не является поэтом!

Отлично помню, как меня вызвали из камеры на втором этаже на предпоследний этаж ленинградского Большого дома. Вел меня надзиратель Иван Иванович, по-тюремному цирик, милый, добрый человек, всегда проветривавший душ перед нашим приходом и по дороге сказавший, что руки за спиной уже можно не держать! Наверху меня ожидал человек по имени Барков, однофамилец поэта 18 века, прославившегося своими «срамными одами». Все его расспросы сводились к одному: хотел бы я уехать. Я согласился. Барков очень обрадовался. Со всеми организационными вопросами, вплоть до обмена квартиры, мне «товарищи» помогли.

Мне повезло – я был пятым высланным, выдавленным, до этого убивали или сажали на долгий срок. Первыми были Солженицын и Бродский, за ними Владимир Максимов, потом Андрей Синявский. К счастью, меня всегда больше интересовала жизнь литературы, чем литературная жизнь, поэтому в сложные отношения между двумя последними я втянут не был.

А из СССР Вы сразу приехали в Париж?

Нет, была остановка в Вене, в пансионе Беттины, куда селили людей, уезжавших по еврейской линии. Беттина была немолодая хитрая женщина, она коллекционировала современную русскую живопись и не прогадала. Писателей тоже жаловала, так я получил отдельную комнату. Там через несколько лет я встречал Олега Целкова и Мишу Хейфеца. Там же я познакомился с дамой из совсем, так сказать, другой оперы – графиней Марией Разумовской, написавшей биографию Марины Цветаевой. Она

любезно пригласила меня на чай.... Это незабываемо!

К западной жизни Вы относитесь с долей иронии, о чем свидетельствует очень смешной, с самой маленькой долей грусти, рассказ «Первая волна». Как Вы сами привыкали к эмиграции, смеси людей разных поколений?

Привыкал я сложно и вел себя плохо, поскольку попал в затягивающую илом волну ностальгии. Поначалу. А потом сказал себе: «О чем ты мечтал в 18 лет? Посмотреть мир. Так смотри!» Я не согласен со сказанным Зинаидой Гиппиус «Мы не в изгнании, мы в послании». Да кто кого куда посылал?! Я бы сказал – мы не в изгнании, мы в избрании. Кто-то свыше нас избрал и возложил на нас миссию: работать здесь, как будто мы там. Как говорил Бродский, «писать на двух языках – это потрясающая свобода». Вообще, если вдуматься, то все культуры мира – это культуры эмигрантов. Начиная с Авраама, кому Бог сказал: «Покинь свою отчизну и дом отца своего и иди в землю, которую я укажу тебе». А разве Иисус Христос не был эмигрантом?

(© Nashagazeta.ch)

Вы пишете очень доступно, но вдруг встречается такая фраза: «Мне перешла пешком дорогу черная птица и зловеще прикрыла свой собачий грустный глаз белым кожаным веком рептилии». Ну прямо литературный Дали! Как такое рождается?

Не знаю! А рождается обычно ночью, иногда во сне. Вот недавно приснилось такое изречение: «Живу спиной к своему позвоночнику». А если серьезно, то, может,

потому что я очень люблю живопись? Мы с женой не пропускаем практически ни одной выставки, музеи – наша страсть. Мы даже составили список всех музеев, в которых успели побывать, оказалось, их 342. В Париже полсотни, во Флоренции 60...

Возвращались ли Вы в Россию с момента высылки?

Нет, ни разу. Предпочитаю рассматривать большое с расстояния.

Судя по всему, вы продолжаете внимательно следить за происходящим в России и не очень это происходящее одобряете. Достаточно процитировать Ваши слова о победе «сыскного патриотизма» и об «обязательной благодати». Я Вас правильно поняла?

Совершенно правильно! Ситуация, при которой церковь, формально отделенная от государства, фактически становится его правой рукой, ненормальна. Признаюсь, газеты я не читаю, это отнимает слишком много времени. Но свое мнение, как говорится, имею.

Хотите ли Вы что-то сказать читателям Нашей Газеты?

Конечно, хочу! Знаете, в жизни каждого человека наступает момент подведения итогов. Всю жизнь я стремился, как говорили мы с Борисом Борисовичем Вахтиным, наращивать литературу своим собственным телом. Каков же результат? Мне кажется, у меня есть несколько достижений, и первое среди них - язык. В голове каждого прозаика, начинающего работу над новым произведением, звучит мелодия. На меня очень повлияли кашинский деревенский, ярославский говор и всякие необычные словечки, но главное, конечно, - правильный русский язык. Но живут во мне и отцовский идиш с маминым немецким, их разговоры, чтобы я не понял, и французский, и технический английский, который я учил 12 лет, и даже эсперанто, который я не только выучил, но даже преподавал!

Второе. Мне кажется, я продолжатель того, что один из русских формалистов – Виктор Шкловский – назвал остранием, обозначив этим термином литературный прием, призванный вывести читателя «из автоматизма восприятия». Знаменитый пример есть у Толстого, когда в «Войне и мире» он описывает оперу.

Третье достижение связывает меня с Борисом Вахтиным. Я бы назвал его великая сила наивности. Нас все время упрекали в мелкотемье, а теперь за это хвалят. Моя бабушка, жители Кашина были наивными людьми: им расскажешь что-то, они верили. Но они невероятно сильны сопротивляемостью жизни, а это нам всем необходимо!

От редакции: Книгу «Трамвай длиною в жизнь» на французском языке можно приобрести в основных книжных магазинах Швейцарии и Франции. Все выходные данные вы [найдете здесь](#).

[отношения сша и швейцарии](#)

[памятники культуры](#)

[достопримечательности швейцарии](#)

<http://www.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/vladimir-maramzin-velikaya-sila-na-ivnosti>